

Кудьмуря. — 1998 — 16-22 апр. — с. 13

Нелирический герой

Концерт оркестра Мариинского театра

Концерт состоялся в БЗК. Дирижировал, разумеется, Валерий Гергиев. Были исполнены сюита из балета «Чудесный мандарин» Б. Бартока, Вторая симфония ре мажор И. Брамса и музыка балета «Жар-птица» И. Стравинского.

Балеты Бартока и Стравинского написаны словно «под него». Под его умение очерчивать мысль, заострять и без того острое — под его природное чувство сцены.

Гергиев — находка для танцора. Пластика балетов начала века — особая. Феерия «явленный» и «появлений», их вихревая смена — работа творящего мозга с его рывками и парадоксами — не остается больше за кадром, она переносится в звучащий текст, а оттуда — на сцену. «Чудесный мандарин» Бартока — это слепок с сознания и подсознания, отравленных войной, запутавшихся между отращиванием и тягой к смерти. ...Стремительно наслаиваются друг на друга оркестровые пласты, нарочито аляповато смешиваются тембровые краски: сиренообразное завывание

струнных, стеклянное дребезжание фортепиано, колкий стук деревянных, надсадные вскрикивания медных. Организованная истеричность. Блестящая картина антимира. Феерия «Жар-птицы» лишена гротесковой хаотичности экспрессионизма, но по-своему это тоже хаос — только праздничный, подобно сверкающим цветовым смесям на полотнах Лентулова, Гончаровой. Сюжетная канва: приключения Ивана-Царевича и Жар-птицы — фикция. На самом деле это единая картина сказочного царства, как бы неподвижная снаружи, но бесконечно изменчивая, мерцающая тысячей красок внутри.

Гергиев четко артикулирует и держит ритм, не позволяя себя увлечь симфоническому напору.

Блистательные tutti не заслоняют от маэстро тихих эпизо-

дов. Его вкрадчивые, безупречно произносимые шепоты и шелесты действуют, пожалуй, еще сильнее.

Мысль дирижера дискретна на всех уровнях: от отдельного мотива до целостного раздела. Охватывая каждое мгновение и укладывая мгновения в протяженные построения, он охватывает мыслью и эти построения и возводит из них (по-прежнему не упуская из виду частности!) еще более протяженные построения, и так далее, пока не складывается целое. Так, от точки к точке, от кульминации к кульминации создаются единое дыхание и единый ритм. Это держит в тонусе оркестрантов. И слушателей — Гергиев произносит, творит музыку на глазах, и это не может не увлекать.

Но иногда возникают ситуации, когда и увлекать, и держать внимание оказывается недостаточным. Хочется гипноза, магии, вовлечения в самую сердцевину музыки. Например, музыки Брамса. Увы, со Второй

симфонией этого не произошло. Ритмическая изменчивость музыки Брамса завораживает как раз потому, что она незаметна! Гергиев же по-прежнему вел от «точки к точке», рельефно подавая перемены метра и ритма, очерчивая жирной линией то, что в партитуре дано неуловимым пунктиром. Под его руками симфония дышала энергией, но из нее ушел по-брамсовски камерный, ностальгический лиризм.

К большим музыкантам хочется придирааться. Потому что мастерская игра оркестра, безупречный контакт дирижера с исполнителями остаются за скобками как само собой разумеющиеся. Критику достается самое интересное — интерпретация, а тут уж есть где развернуться! По счастью, в зале было больше «не-критиков»: стоя, отбивая ладони и не щадя голос, публика «бравыми» криками («бра-во!») приветствовала Артиста.

Татьяна СИДОРОВА